

*Моим детям,
которые никогда не целовали хлеб*

Беден был мой отец,
очень беден,
и отец моего отца,
и я тоже беден...

Здесь, в Испании, нищета портит кровь,
и тебе вовек не отмыться от запаха бедности,
и твою бедность превращают в вину —
изощренное искусство морали.

Бедны и виноваты
отец моего отца,
мой отец
и я.

Мануэль Вилас. История Испании
Из «Полного собрания стихов (1980–2015)»

I. Прежде

Мы находимся в одном из центральных районов Мадрида. Как он называется — неважно: это мог бы быть любой из немногочисленных старых районов, в котором есть и респектабельные хорошо сохранившиеся здания, и совсем уж ветхие. Достопримечательностей в моем районе немного, но он все равно красив, потому что он живой.

Улицы здесь самые разные. Есть широкие, с раскидистыми деревьями, кроны которых нависают над балконами нижних этажей, но большинство — узкие. Вдоль них тоже растут деревья, но посажены они поскромнее и потеснее и всегда аккуратно подстрижены, чтобы не занимали слишком много места, которого, кажется, не хватает даже в воздухе; нежная зелень — весной, благодатная тень — летом, когда пройти с утра пораньше по свежевывытому тротуару — бесценная роскошь и бесплатное наслаждение. Площадей хватает, и все они небольшие. В центре каждой — церковь и статуя, фигуры героев и святых, а еще скамейки, качели, собачьи площадки. Все эти площади, неотличимые друг от друга, явно построены одним подрядчиком,

выигравшим какой-нибудь городской тендер, и вопросами о причинах его успеха лучше не задаваться. А вот переулков мало, но они прекрасны, — прибежище влюбленных парочек, скрывающихся от посторонних глаз, и подростков, решивших прогулять уроки, — они героически выстояли, год за годом сопротивляясь планам уничтожения, разработанным в мэрии, в отделе городского благоустройства. Выстояли и живы по-прежнему, как и сам район.

Но самое ценное здесь — жители района, все эти персонажи, пестрые и разношерстные, такие же аккуратные или сумбурные, как и их дома. Многие из них живут тут всю жизнь — в хороших домах с консержем, лифтом и мрамором в подъезде, каких полно на широких улицах, но и на узких такие найдутся, а другие — в домах попроще, с крошечной комнатухой консержа, а то и без нее. В этом районе мраморные подъезды издавна соседствовали со стенами из гипсокартона, богатые — с бедными. Коренные жители этих мест пережили упадок семидесятых годов прошлого века, когда модно стало уезжать из центра, потом — бешеные восьмидесятые, когда обвал цен привел сюда множество новых поселенцев, навьюченных книжными полками с рынка Растро, постерами с Че Геварой, а также индийскими узорчатыми тканями, служившими для самых разных целей — повесить на стену, покрыть постель, обить ободранный диван, найденный на помойке; наконец, пережили они и возрождение района в девяностых, когда во время первого ипотечного пузыря вдруг выяснилось, что круче всего опять жить в центре.

А потом реальность зашаталась, и они вместе с ней. Вначале они ощутили тряску, земля словно ушла у них из-под ног, но они надеялись, что это всего лишь оптическая иллюзия. Ничего страшного, успокаивали они себя и друг друга, но ошиблись: внешне все было по-прежнему, но асфальт на улицах потрескался, и от земли пошел раскаленный тлетворный пар, заражающий воздух. Самих расселин никто не видел, но все чувствовали: через них уходят покой, благополучие и будущее. Жители отреагировали по-разному. Некоторые сдались, они здесь больше не живут. Другие по-прежнему борются с драконом своим собственным оружием, каждый по-своему.

Старики не особенно боятся.

Они помнят, как еще совсем недавно девушки-горничные ледяными зимними утрами не ходили по мадридским улицам, а перемещались бегом, всегда бегом, скрестив руки на груди, пытаясь сохранить тепло шерстяной кофты, с голыми ногами, без носков, в простых парусиновых туфлях, ох, как же быстро они бегали! А еще старики помнят загадочных мужчин, которые медленно шагали, поднимая воротники пиджаков, с картонными чемоданчиками в руках. Мы, тогдашние дети, смотрели на них во все глаза, не понимая, как это они не мерзнут, восхищались их мужеством и никого ни о чем не спрашивали, хоть и сгорали от любопытства.

В шестидесятых годах XX века любопытство испанских детей считалось большим грехом. Мы выросли среди фотографий, стоявших в рамочке на комодике или похороненных

в ящике стола, фотографий улыбающихся молодых людей, нам незнакомых.

— А это кто?

— Ах, это... — Люди на снимках оказывались тетушками, женихами, братьями, дедами, кузинами и подругами семьи, и все они были мертвы.

— А когда он умер?

— Ой, — тут взрослые начинали нервничать, — давным-давно.

— Но как, почему, что случилось?

— На войне или после войны, это такая грустная, такая печальная история, давай лучше не будем... — И в этой загадочной точке, при упоминании конфликта, о котором никто из взрослых не хотел говорить, хотя от него в глазах жгло, как от открытой раны, зараженной страхом или виной, заканчивались все наши обсуждения. — Как там уроки, все сделал? Ну тогда иди поиграй, а лучше беги мыться, да поскорей, а то потом все соберутся в душ и горячая вода закончится.

Так мы, дети тех времен, научились не задавать вопросов, хоть нынешние испанцы и не любят об этом вспоминать. А еще они предпочитают забывать, что жили в бедной стране, хотя им по большому счету было не привыкать. Мы, испанцы, были бедны всегда, даже в те времена, когда испанские короли владели всем миром, когда золото Америк пересекало полуостров, не оставляя за собой ничего, кроме пыли, вздымаемой каретами, что везли его во Фландрию, в счет уплаты испанского королевского

долга. В Мадриде середины XX века, где пальто было роскошью, недоступной служанкам или поденщикам, шагавшим по улицам и пытавшимся убить время до поезда, который увезет их далеко-далеко — во Францию, собирать урожай на виноградниках, или в Германию, работать на заводе, — так вот, в этом самом Мадриде бедность была семейным предназначением, единственным наследством, которое родители могли передать детям. И все же в этом наследии было кое-что еще: богатство, которого мы, нынешние испанцы, лишены.

Поэтому старики меньше склонны бояться. Они возвращаются мыслями во времена своей юности и помнят все: пронизывающий холод, молчание в ответ на вопросы, калек, просивших милостыню на улицах, и тревогу родителей, когда на улице им приходилось столкнуться с полицейским. А еще — давнюю забытую привычку, которую они не смогли или не захотели передать своим детям. Когда кусок хлеба падал на пол, родители заставляли детей, прежде чем класть обратно в хлебницу, поцеловать его: такой голод пережили эти семьи в годы, когда умерло множество их близких и любимых, чьих историй никто не захотел нам рассказать.

Мы, дети, приученные целовать хлеб, вспоминаем детство — и перед глазами встает наследие голода, которого мы сами уже не знали: эти чудовищные омлеты, которые жарили наши бабушки, чтоб только не выкидывать взбитое яйцо, оставшееся от кляра для рыбы. Но мы не помним грусти.

А вот злость — помним, помним сжатые, словно из камня высеченные челюсти мужчин и женщин, которым за жизнь выпало столько несчастий, что другой бы уже сто раз сдался, а они продолжали бороться. Потому что тридцать лет назад в Испании дети получали в наследство от родителей не только бедность, но и умение переносить ее с достоинством, не унижаясь и не отступаясь от борьбы за будущее. Дети эти жили в стране, в которой бедность не была поводом стыдиться или сдаваться. Даже Франко за тридцать семь лет жестокой диктатуры, начавшейся с войны, развязанной им самим, не сумел задушить своих врагов: те продолжали влюбляться, заводить детей и жить счастливо. Еще не так давно в этом районе счастье было своего рода формой протеста.

Потом нам сказали, что об этом необходимо забыть, что для того, чтобы двигаться в будущее, нужно оставить все случившееся позади, а чтобы построить демократию, нужно смотреть лишь вперед, притворившись, что ничего особенного тут у нас не произошло. Пытаясь забыть плохое, мы, испанцы, позабыли и хорошее. Тогда оно казалось неважным: мы вдруг стали красивыми, прогрессивными, нами все заинтересовались... К чему же вспоминать войну, голод, сотни тысяч погибших и все это горе?

Так, отрехшись от женщин без пальто, от картонных чемоданчиков и поцелуев на хлебе, жители этого района, особого, но похожего на почти любой район любого испанского города, утратили связь с собственным прошлым, воспоминания, которые могли бы помочь

им преодолеть новую нищету, что застала их врасплох, явившись из самого сердца Европы, сулившей им богатство, на деле же похитившей у них сокровище, которого не купить ни за какие деньги.

Теперь жители этого района чувствуют себя даже не уничтоженными, а, скорее, растерянными, не понимают, как быть перед лицом неопределенности, они сбиты с толку, словно избалованный ребенок, у которого отобрали игрушку, а он не умеет ни возразить, ни потребовать обратно принадлежащее ему по праву, ни обличить и задержать воров.

Если б нас увидели наши бабки и деды, они умерли бы вначале от смеха, а потом от жалости, ведь по их меркам это не кризис, а так, небольшое неудобство. Мы, испанцы, много веков с достоинством переносили бедность, а вот покорными не были никогда. Никогда до этого самого момента.

Это история, сотканная из многих, история одного мадридского района, который пытается держаться и оставаться собой даже в самом эпицентре урагана — кризиса, который грозит перевернуть все вверх дном, хотя пока что ему это не под силу.

В этом районе живут семьи с детьми и без детей, пары с собаками и без, одиночки, молодежь, взрослые, старики, испанцы, приезжие, временами они счастливы, а временами несчастны, точнее, счастливы почти всегда,

а несчастны лишь изредка. Кое-кому не удалось удержаться на плаву, но в основном они продолжают бороться — ради самих себя и ради других — и держатся за старые привычки и давние традиции, чтоб оставаться теми, кто они есть, чтоб соседи могли и дальше звать их прежними именами.

Парикмахерская Амалии чуть не закрылась, когда прямо напротив открылся китайский маникюрный салон, но клиентки остались верны Амалии — правда, той пришлось снизить цены.

Бар Паскуаля по-прежнему работает, хотя с каждым днем он все меньше напоминает бар и все больше — штаб-квартиру разных организаций: союза жителей района, что пытается отстоять социальное жилье, которое городская администрация предательски продала фондам-стервятникам; ассоциации женщин, офис которой закрылся из-за недостатка средств; родительского комитета местной школы, которая перестала работать после обеда, потому что ей урезали финансирование внеурочных мероприятий... Но Паскуалю все равно. Хозяин бара — человек спокойный и добродушный, он просит всего лишь, чтобы каждый третий посетитель, к какой бы организации он ни принадлежал, время от времени заказывал хоть стакан пива, а всем остальным он с улыбкой приносит воды.

Множество старых магазинов закрылось. Им на смену пришли новые, почти всегда дешевые, большинство из них, хоть и не все, держат китайцы. А вот чуррерия, аптека, канцтовары и рынок остались на прежних местах и стали

своего рода точками отсчета, общими для давнишней и нынешней версий этого района.

Ну а в остальном — в сентябре начинается учебный год, в декабре наступает Рождество, в апреле зацветают деревья, летом приходит жара — в общем, жизнь идет.

Пойдемте посмотрим на нее вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru